

По страницам
зарубежной
печати

Итальянская газета «Корriere дела сера» опубликовала беседу Маурицио Порро с известной киноактрисой Моникой Витти. Мы печатаем эту беседу с сокращениями.

Для МОНИКИ ВИТТИ кино — это страсть, мания, бушующий в душе огонь. Ну и, конечно, профессия.

Чтобы поделиться со всеми этой своей любовью, чтобы сказать, насколько прекраснее, насколько правильнее смотреть фильм на большом экране, сидя в гуще людей, которые все вместе смеются или плачут, а не скользят равнодушным взглядом по телеэкрану, Моника готовит — причем именно для телезрителя — программу из шести (возможно, их будет и больше) фильмов, объединенных общим названием «Любовь моя».

— Это каторжный труд, — говорит Моника Витти, актриса, которую все мы хорошо знаем по множеству фильмов.

ВЕЛИКАЯ СТРАСТЬ— КИНО

— Он очень отличается от всего, что я делала до сих пор. Тяжкий труд, понуждающий меня ежедневно прибегать чуть ли не к приемам вольной борьбы, и все ради дела, которому я отдаю по тринадцать часов в день... Это так тяжело, что за последние месяцы я не раз была готова все бросить и сказать: «Нет, не могу больше, очень жаль, но как-нибудь в другой раз». И все-таки страсть к кино побуждает, и я продолжаю работать. Но мне так необходима поддержка коллег, ведь это проклятое кино — сумма (но не арифметическая) множества профессий, о которых зритель иной раз даже не подозревает. Пока же мне приходится довольствоваться безоговорочным сотрудничеством Роберто Руссо — режиссера и автора текстов, которые мы пишем вместе с Бенвенути, Де Бернарди и Нанни Лоем. Любезно согласились помочь нам Джек Леммон, например, и Марчелло Мастоияни, которые дали мне интервью. Пока мы еще делаем самые первые шаги.

— Я хочу, — продолжает актриса, — чтобы с самого начала было ясно: наша программа, не укладывающаяся ни в какие телевизионные рамки (это и не шоу, и не варьете,

Моника Витти

и не репортаж, и не культурно-развлекательное зрелище, а и то, и другое, и третье — всего понемногу) посвящается кинематографу, а не актрисе Монике Витти. Я буду рассказывать о нем, а не о себе. Но вот вопрос: как говорить о кино? Хватит с нас операций под кодовым названием «но-стальгия», хватит этих докторов у постели умирающего, хватит разговоров о кризисе, потому что твердить это бессмысленно и даже вредно. Лучше вспомним (с надеждой пробудить в зрителе прежние чувства), каким магическим,

чудесным, важным и необходимым было кино для моего поколения. Давайте объясним тем, кто его не знает, как прекрасно было когда-то посмотреть какой-нибудь фильм, а потом по пути домой останавливаться и обсуждать его с друзьями, всматриваться в афиши, стараться все запомнить, унести в себе. Давайте скажем, до чего же это было замечательно, что фильмы связывались с определенной культурой, с определенным образом жизни и самовыражения, как было хорошо чувствовать себя причастным к кино.

— Я знаю, что ничего этого больше нет, — признается Моника, — я знаю, что кинотеатры сегодня полупусты и похожи на катакомбы, знаю, что нынешняя молодежь совсем по-иному воспринимает кино, — все это уже известная история, — но чтобы заинтересовать новые поколения, нужно показать им, как это было с самого начала. Не случайно я пригласила для участия в программе «Любовь моя» учащихся Академии театрального искусства и Экспе-

риментального центра: я верю, что будущее кино — за настоящими профессионалами, им должны заниматься специально учившиеся люди, знающие, что они делают и хотая сделать. А вот когда начинала свою работу в кино я, наши замечательные режиссеры думали, что они смогут обойтись без профессионализма, да-да, ведь я была единственной, подчеркиваю, единственной актрисой с дипломом театральной школы, причем это обстоятельство не всегда ставилось мне в заслугу. Но, повторяю, я не хочу в этой программе говорить о себе; я не буду показывать никаких отрывков и не собираюсь ни оплакивать, ни осмеивать свое прошлое...

Нет, говорить надо о сегодняшнем дне, заглядывая в завтрашний; нужно верить в искусство кино, нужно показать публике, что оно действительно собой представляет и что представляют собой люди, которые его делают — одни на виду у всех, другие за кулисами, где целая армия специалистов творит свое прекрасное и вроде бы незаметное дело.

Трудно рассказать, например, как живут и что чувствуют члены одной съемочной группы, трудно выразить словами чувство единения, коллективного творчества, длящегося несколько недель, а потом исчезающее и, быть может, навсегда: трудно раз-

ложить все это по полочкам, но попытаться нужно, чтобы люди поверили в жизненную силу и богатство кинематографа. Вот почему мне нужны свидетельства множества людей. Правда, только правда, ничего, кроме правды: чем было кино для вас? Пусть наша работа расскажет той молодежи, которая не смотрит ничего, кроме видеокассет, что кино — это культура, что оно будоражит фантазию и развивает ее; сеет семена, которые прорастут, возможно, только завтра, но что-то все-таки останется. Для нас это главное.

— Но из-за какого все же «вируса» в кино начался такой кризис?

— До его истоков добраться трудно. Не знаю. Причины множество. Сегодня люди стали меньше разговаривать друг с другом, а кино ведь строится на слове, оно побуждает к раздумьям, к разговору. Нынешние ужасные телепостановки и телефильмы испортили вкус целого поколения и даже иных интеллектуалов, которые подолгу сидят перед телевизором, словно им показывают действительно что-то серьезное, помогающее понять других людей. Я же считаю, что телефильмы хуже и вульгарнее любого фильма, показанного в кинотеатре. Не знаю, право, может, я только одна такая осталась, может, это только моя страсть?..